

- Gąsiorowski Z. Stan szkolnictwa jego potrzeby w Okręgu Szkolnym Poleskim. Bześć n/B, 1930. s. 206.
- Spis szkół zawodowych RP w 1931 r. Warszawa, 1931. – s. 596-599; Государственный архив Брестской области. Фонд 59, оп. 1, дело 362, л. 3-4.
- Sprawozdanie Poleskiego Towarzystwa Oświaty Zawodowej w Brześciu n. Bugem w r. 1933, s. 21-23.
- Государственный архив Брестской области. Фонд 59, оп. 1, дело 362, л. 3-4.
- Sprawozdanie Poleskiego Towarzystwa Oświaty Zawodowej w Brześciu n. Bugem w r. 1938. – s. 67-70.
- Sprawozdanie Poleskiego Towarzystwa Oświaty Zawodowej w Brześciu n. Bugem w r. 1933. – s. 24; там же w r. 1936. – s. 20; там же w r. 1938. – s. 22.
- Sprawozdanie Poleskiego Towarzystwa Oświaty Zawodowej w Brześciu n. Bugem w r. 1933. – s. 21; там же w r. 1936. – s. 32; Государственный архив Брестской области. Фонд 59, оп. 3, дело 9, л. 5-6.
- Sprawozdanie Poleskiego Towarzystwa Oświaty Zawodowej w Brześciu n. Bugem w r. 1938. – s. 40-45; Государственный архив Брестской области. Фонд 59, оп. 1, дело 46, л. 13-15.
- Sprawozdanie Poleskiego Towarzystwa Oświaty Zawodowej w Brześciu n. Bugem w r. 1938. – s. 48-50.
- Государственный архив Брестской области. Фонд 59, оп. 3, дело 9, л. 4-5; Фонд 59, оп. 3, дело 11 л. 32-33.
- Государственный архив Брестской области. Фонд 59, оп. 3, дело 11, л. 32-33; Фонд 59, оп. 3, дело 9, л. 30.
- Mały Rocznik statystyczny GUS, 1938. – s. 12.

Материал поступил в редакцию 17.11.08

KABOT T.F. Development of vocational training in Poleskoj of province during the intermilitary period

In article problems of creation of a network of professional educational institutions insufficiently studied in the Belarus history in territory Poleskoj of province in 20-30 years of XX century are examined. It is marked, that in view of a heavy economic situation in the country and in the region, organized educational institutions were private. By the example of administrative, organizational and pedagogical activity Brest Railway среднетехнической schools, Trading school and craft-industrial school the author analyzes the basic stages of the school reform which have been carried out in Poland in second half 30th years. It is judged, that as a result of reform vocational training became an integrated part of system of secondary education, its prestige in a society has raised. Professional licea and grammar schools have prepared the broad audience of highly skilled experts for the industry, spheres of services and an agriculture in Poleskoj of province. Article bases on archival materials 59 funds of the State archive of the Brest area, publications in polish language of 1930th years, are involved new statistical materials.

УДК 008.001:378

Медиченко Л.Е.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение. В изучении белорусской национальной культуры долгое время преобладал отраслевой принцип: в результате большой и многолетней работы исследователи создали серьезные и фундаментальные исследования по отдельным отраслям отечественной культуры. Сложилась определенная научная традиция философского и гуманитарного методов в изучении культуры. Итогом такого изучения стало издание нескольких коллективных работ и энциклопедий, учебных пособий, обобщающих работ по истории, культуры отдельных этапов исторического развития страны (например, посвященных «белорусизации»), ряд исследований по теории культуры.

1. Изменения методологии исследований культуры. Однако сегодня многие исследователи отмечают, что на постсоветском пространстве в гуманитарных исследованиях (в том числе и культурологических) формируется иной «познавательный поворот» [5; 15]. Он связан с реализацией традиций позитивистского восприятия и прагматического использования действительности. Как следствие – в научной дискуссии о специфике культурологического знания ставится вопрос о рождении нового, интегративно-типологизирующего знания о культуре [2]. Особо подчеркивается отличие историко-культурных исследований, построенных преимущественно на основе использования идеографического, описательно-систематизирующего метода и исследований, обращенных к иному, проблемно-логическому методу работы с материалом. Поэтому на современном этапе развития научного познания к основным задачам культуролога, работающего с историческим материалом, должны быть отнесены: выделение логики культурного развития, закономерностей и механизмов динамики культуры, анализ и сопоставление типов культурно-исторических процессов, обоснование специфических черт и границ культурных эпох и др. Необходимо заметить, что сегодня в рамках культурологического анализа, характерное требование хронологической точности описания историком культуры фактов и событий утрачивает свою первостепенную значимость. Приоритетной

становится задача «осмысления описанных историком культуры фактов и событий, их **типологизация** (а не только систематизация) с использованием сравнительного анализа, построения моделей, что в свою очередь предполагает разработку соответствующей системы критериев, оснований и т. д.» [2, 141].

Поэтому наиболее адекватным представляется подход, разработанный в русле типологии культуры, основанный на использовании универсалий культуры. Он характеризуется синкретическим характером, согласно которому «исследования объекта не есть изолированный акт; оно происходит в определенном контексте, на характер которого влияют ценности и коллективно-бессознательные импульсы» [11, 10]. Типологический подход эвристичен, нередко он «поражает глубиной интуитивного понимания ключевых характеристик национальной культуры» [13]. Хотя он по способу мышления является исследовательской спекуляцией, т.к. основан на подборе фактов, либо подтверждающих, либо опровергающих априорные построения. Но, учитывая то, что культура представляет собой «наиболее емкое, богатое многоуровневое социальное образование, обладающее широкими вариационными возможностями» [6, 11], такой подход в работе культуролога формирует новое научное пространство, в котором спроецированы и осмысливаются ранее известные культурные явления, процессы, исторические факты. Оно строится как «ценностно-символические типы тех или иных культурных феноменов...», выявляя универсальное и специфическое в историко-культурном развитии, моделируя те или иные типы культурных процессов» [2, 141].

Т.о. необходимо подчеркнуть, что сегодня в развитии методологии культурологического знания особое место приобретает понятие модели. С процессом построения моделей мы знакомимся еще в школе, решая задачи по физике и математике. Моделирование начинается с анализа проблемы, сформулированной в тексте задачи. Мы пытаемся проникнуть в смысл отдельных предложений, понять

Медиченко Лариса Евгеньевна, ст. преподаватель кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

их взаимосвязи. Затем записываем задачу на языке математических символов, определяем множество переменных и строим систему знаковых соотношений (уравнений и неравенств). Для каждой задачи, как правило, можно составить несколько различных систем уравнений, т.е. построить несколько моделей.

Выбрав простую, лаконичную модель, мы анализируем её, используя математический инструментарий, а, получив решение задачи, можно оценить, какое влияние на моделируемый процесс оказывает то или иное изменение исходных факторов. Построенная модель обеспечивает существенное сжатие информации, но при этом какие-то грани изучаемого процесса отбрасываются как несущественные. Но, представление о том, что модель может быть только математической, глубоко ошибочно. Модель может быть сформулирована и на естественном языке. В любом случае модель проще, в некотором смысле «грубее» изучаемого явления, но зато одну и ту же модель можно использовать для описания широкого класса явлений.

Под моделью (от лат. *modulus* – мера, образец, норма) в широком смысле в науке принято понимать аналог, «заместитель» оригинала (фрагмента действительности), который при определенных условиях воспроизводит интересующие исследователя свойства оригинала. К недостаткам термина «модель» следует отнести его многозначность. В словарях приводится до восьми различных значений, из которых в научной литературе наиболее распространены два: 1) модель как аналог объекта; 2) модель как образец.

М. Вартофский рассматривает модели как «картины», соотносящиеся с чем-то. «Эта референция всегда есть соотнесение с чем-то реальным, лежащим вне изображения и репрезентации. Следовательно, исключается какое бы то ни было самоотнесение, ничто не может быть моделью самого себя. Таким образом, «картина» может «походить» на объект или «выглядеть» как объект в самых разных смыслах, начиная с простейшего случая последовательного отображения контуров карты и кончая случаем «представителя» нации, который может отображать, «репрезентировать» ее своими взглядами, предпочтениями, поведением» [4, 37].

Информационный аспект подчеркивается в определении Н.Н. Моисеева. «Под моделью мы будем понимать упрощенное, если угодно, упакованное знание, несущее вполне определенную, ограниченную информацию о предмете (явлении), отражающее те или иные его отдельные свойства. Модель можно рассматривать как специальную форму кодирования информации. В отличие от обычного кодирования, когда известна вся исходная информация и мы лишь переводим ее на другой язык, модель, какой бы язык она не использовала, кодирует и ту информацию, которую люди раньше не знали. Можно сказать, что модель содержит в себе потенциальное знание, которое человек, исследуя ее, может приобрести, сделать наглядным и использовать в своих практических жизненных нуждах. Для этих целей в рамках самих наук развиты специальные методы анализа. Именно этим и обусловлена предсказательная способность модельного описания» [12, 166].

2. Специфика культуроведческих моделей. В гуманитарных культурологических исследованиях социокультурная информация моделируется с помощью обобщенной лингво-семиотической модели. Таким образом, специфика моделирования в культуроведении (в отличие от математики и физики) напрямую связана с «языковым» оформлением изучаемого объекта. «Базовым» языком модели культуры выступает естественный язык. Но в соответствии с гипотезой лингвистической относительности, каждый язык по-своему представляет мир, и по утверждению Э. Сепира, опосредует строение реальности [16]. Гипотеза также говорит об утверждающей роли языка в формировании экономики, социальной структуры общества и культурных традиций. Люди, говорящие на различных по грамматическому строю языках, живут в разных мирах, неодинаково воспринимают мир. Это связано с тем, что человек определенной культуры пользуется моделями сознания действительности, предложенных родным языком. Многие исследователи отмечают, что концептуальная картина мира во многом бессознательно конституируется языковыми законами, т.к. события реального мира не описываются

механически, а отбираются и интерпретируются. Причем и эти процедуры определяются законами языка. Обобщая данные антропологической лингвистики, Клакхон писал: «Каждый язык есть также особый способ мировоззрения и интерпретации опыта. В структуре любого языка кроется целый набор неосознаваемых представлений и жизни в нём» [7]. Антропологические лингвисты пришли к пониманию того, что общие представления человека о происходящем вовне его не «заданы» всецело внешними событиями. Уместнее сформулировать проблему следующим образом: человек видит и слышит то, к чему его делает чувствительным грамматическая система его языка; то, что она приучила его ждать от восприятия.

Возникает вопрос: как должны быть устроены научные модели, которые через свои высказывания репрезентируют культуру или её сегмент? Адекватна ли репрезентация модели самой действительности? Специфика культуроведческих моделей зависит от предметной области, которую они замещают (или образ которой создают), а также от выполняемой ими функции. На этом основании выделяют виды моделей:

- модели действительности или её фрагментов – это так называемые «вторичные знаковые системы», материалом для создания которых служит «естественный язык»;
- культуроведческие модели моделей культуры – такие модели обладают статусом специального метаязыка;
- модели, служащие конструированию теории моделей.

Назовем отдельные функции моделей: 1) идеализирующая схематизация объекта (структурное акцентирование), что обеспечивает возможность получения нового знания; 2) наглядность – как отображение свойств моделируемого объекта и интересов исследователя.

По причине своего универсального характера научные модели оказываются особенно эффективными для определения (ограничения) предмета исследования и создают возможность анализирующей сегментации сложных объектов. При этом, однако, следует учитывать, что любое ограничение и в особенности любое разделение сложного предмета изучения на соответствующие фрагменты (т.е. дифференциация задач и целей исследования) оказывает непосредственное влияние на характер и область значимости соответствующих высказываний. Чтобы конкретизировать методологическую проблематику, возникающую при создании моделей, необходимо обратить внимание на факторы неопределенности:

- до сих пор нет ясности в вопросе о том, каким образом из многообразия культурных явлений вычленяется то, что и составляет объект исследования;
- оказывают особенности и цели исследовательской концепции;
- фактор «языкового» оформления изучаемого объекта, что предполагает создание адекватного метаязыка.

И здесь особое значение приобретает изучение характера и отношений таких глобальных знаковых систем, которые составляют язык и метаязык. Процесс формирования этих систем может характеризоваться значительными различиями. Фактически мы сталкиваемся с борьбой двух тенденций: что важнее в культуроведческих моделях – формализация или семантизация языковых высказываний? Кроме того, в обеих тенденциях обнаруживаются некоторые характерные особенности, определяющие их возможности представления действительности и познавательную ценность. Ведь, чем более элементарный характер несут модели, тем выше степень однозначности в отображении явлений действительности и тем более ограниченной оказывается их познавательная ценность. Напротив, более сложным моделям не свойственно однозначное представление действительности, тем самым они обеспечивают процесс приращения либо потери знания.

Получаемая с помощью модели информация (уже известная или новая) возникает лишь в результате сознательной или бессознательной актуализации определенной системы координат, то есть сравнительного со- или противопоставления. При этом возникает осознание различных семантических признаков. В процессе понимания в дополнение к каждому субъективному по своему происхождению познавательному интересу существенную роль играют коллективно обуслов-

ленные ментальные, психические и социально-психологические установки восприятия, которые оказывают воздействие на постоянно меняющуюся комбинацию интерпретационных параметров.

Таким образом, можно предположить, что научные модели в культуроведении не должны иметь исключительно аналитический характер. Их задача – охватывать как можно больше аспектов изучаемого объекта. Необходимо, чтобы аналитические по своей функции культуроведческие модели отдавали предпочтение тем описательным категориям и методам интерпретации, которые не укладывают язык-объект в однозначно жесткие рамки, а учитывают его открытый и динамичный характер. Культуроведческие модели отличны от строго аналитических научных моделей, основанных только на метаязыковых высказываниях. Они могут принадлежать к области языка-объекта. При этом не следует исключать возможности их превращения в простое описание культуры.

Как подчеркивалось выше, концепций-моделей одного явления может быть создано великое множество. Они могут быть более или менее сложными, подчеркивать ту или другую сторону явления, или попробовать осуществить интегрирующий подход. Однако в любом случае модель должна отвечать двум основным требованиям: должна быть простой и работать (это значит точно описывать состояние явления в прошлом и современном и тем самым давать основания для прогноза).

Одним из первых типологический подход в исследованиях белорусской культуры был использован белорусским философом Игнатием Кончевским. Ещё в 1921 г. в культурологическом очерке «Исследования белорусского мировоззрения» [1] он считал, что Беларусь всегда была границей между Востоком и Западом и фактически являлась полем борьбы двух направлений европейской культуры – западного и восточного. Такой подход к пониманию особенностей белорусской культуры, заложенный в работе И. Кончевского, был продолжен в более поздних культурологических исследованиях. Белорусская культура рассматривается как определенный своеобразный тип (модель) культуры с присущим ему набором как общих, так и специфических признаков [3]. Так, С.А. Парашков отмечает, что белорусская культура относится к типу открытых культур, и в своем историческом развитии она прошла основные этапы, характерные для европейской культуры [14, 5]. Эту позицию поддерживает Я. Яскевич, указывая, что белорусская культура формировалась как культура синтетическая, которая достаточно легко ассимилировала в себе влияния других культур. В силу своего географического положения, она в значительной степени толерантна и восприимчива к чужой, иной позиции, а, следовательно, динамична и мобильна в своих содержательных аспектах. Беларусь всегда выступала как неповторимое единство двух начал – активного и пассивного в силу своей устремленности духовными интенциями на Запад, и укорененности материальных оснований в общинных укладах Востока [18, с. 40].

Владимир Старченко в статье «Модель национальной культуры» [17] рассматривает культуру через призму сознания. Это культуроведческая модель модели культуры (в данном случае национальной). Специфика данной культурологической модели отражает определенную предметную область исследования: национальное сознание, которое рассматривается как условие сохранения и развития любой национальной культуры, потому что без него теряется (утрачивается) сам творец и носитель национальной культуры – народ. Функциональная особенность модели национальной культуры, предложенной В. Старченко в структурном акцентировании соотношения таких понятий как национальная культура – национальное сознание (особенностям его формирования способствуют, по мнению автора, национальный характер, язык, история), а это в свою очередь опосредовано национальным генотипом и фенотипом.

В русле данного исследования, следует отметить ряд работ прикладного характера, посвященных изучению типологических особенностей различных сфер белорусской культуры (т.н. модели фрагментов действительности). Эти исследования во многом отображают не только свойства моделируемого объекта, но и интересы исследователя. В качестве примера можно назвать работы А.И. Лакотки, создавшего новую научную концепцию исторического феномена белорусской архитектуры, как своеобразного синтеза восточноевро-

пейских и западноевропейских традиций зодчества [10]. Он выявил и систематизировал общие и региональные особенности сельского жилища белорусов, проанализировал его этнические черты, разработал типологическую классификацию всех компонентов сельского жилого комплекса. Выделил типологические особенности деревянного сакрально-монументального белорусского зодчества [9].

Особого внимания заслуживают исследования символики белорусской народной культуры Я. Крука [8]. Реконструируя славянскую мифопоэтическую модель мира, он успешно проводит расшифровку символики традиционной культуры белорусов. Это позволяет нам лучше понимать смысл обрядов, ритуалов, мифов, оставленных нам в наследство предками.

На основании вышесказанного, мы приходим к выводу, что в контексте становления нового интегративно-типологизирующего знания о культуре, подвергается изменениям и методология культурологических исследований. Сегодня их основная задача – исследование культуры как целостной системы и ее отдельных элементов. Поэтому особое значение в реализации этой задачи имеет разработка соответствующей системы критериев для построения адекватных моделей культуры. Это позволит не только наглядно и информативно отобразить специфику национальной культуры, но и предоставит возможность прогнозировать ход событий. Поэтому хотелось бы надеяться, что исследования прикладной культурологии будут способствовать позитивному решению задачи трансформации общества с учетом особенностей национальной культурной модели.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдзіраловіч, І. [Канчэўскі І.]. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду. – Менск: Навука і тэхніка, 1993.
2. Александрова, Е.А., Быховская, И.М. Апология культурологии: опыт рефлексии становления научной дисциплины // ОНС, 1997. - № 3.
3. Беларусіка=Albarutenika. Кніга 6. Частка 1: Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і імжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. / Рэд. А.Мальдзіс і інш. - Мн.: Навука і тэхніка, 1996.
4. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание. - М., 1988.
5. Зверева, Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры / Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. - М., 2001.
6. Каган, М.С. Классификация и систематизация // Типы в культуре. – Л.: ЛГУ, 1979.
7. Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. - Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998.
8. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. 2-е выданне. – Мінск: Беларусь, 2003. – 350 с.ілл.
9. Лакотка, А.І. Драўлянае сакральна-манументальнае дойдліства Беларусі. - Мн., 2003.
10. Лакотка, А. І. Нацыянальныя рысы Беларускай архітэктур. - Мн., 1999.
11. Манхейм, К. Диагноз нашего времени. - М.: Юрист, 1994.
12. Моисеев, Н.Н. Математика в социальных науках // Математические методы в социологическом исследовании. - М., 1981.
13. Моисеева, Н.А. Сороковикова, В.И. Менталитет и национальный характер (о выборе метода исследования) // СОЦИС, 2003. - № 2.
14. Парашкоў, С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А.Парашкоў. – 2-е выд. - Мн.: Бел.навука, 2004. – 444 с.
15. Перлов, А. Представления об «исследовательской свободе» в самоописании российских культурологов // www.iek.edu.ru/projects/ppaper1.htm.
16. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии (Пер. с англ. Перцова Е.Н.; общ.ред. Е.А.Кибрик). – М.: Прогресс, 1993.
17. Старчанка У. Мадэль нацыянальнай культуры // www/starch.narod.ru/Madel.htm
18. Яскевич, Я.С. Становление идеологии белорусского государства и национальная идея: традиции и новации. - Мн., 2004.

Материал поступил в редакцию 11.11.08

MEDICHENKA L. Transformation of methodology of the cultural researches

The article are considered transform processes, which connected not only a society, but also make changes to methodology of the cultural researches. There are new opportunities of use of procedure of modelling in the cultural researches. Frequently their use is connected with the complexity of language activity. In culturalogical models it finds the reflection in complex mutual relations of language-object and the meta-language of scientific model. This problem, as a matter of fact, being reflection of the research concept, causes ambiguity and inadequacy of understanding as cultures, and models which replaces it.

УДК 130.3

Варич В.Н.

К ВОПРОСУ ОБ ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ

Введение. В иерархии ценностей особое место занимают общечеловеческие ценности, природа и сущность которых являются актуальным предметом философской дискуссии. Иерархия ценностей подвижна и изменчива, а в современном мире имеет размытый и неопределенный характер. Однако в ней четко выделяются низшие и высшие ценности, различающиеся по целому ряду критериев. К высшим общечеловеческим ценностям относятся добро, истина и красота, образующие ценностно-смысловое основание любой культуры.

Определение ценности. Ценность – это человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. Любой предмет, явление или процесс, природное или общественное отношение может выступать в качестве предметной ценности, как объект ценностного отношения, т.е. может оцениваться по критериям добра и зла, истины или не истины, красоты или безобразия, допустимого или недопустимого, справедливого или несправедливого и т. д. Ценность как предмет культуры содержит в себе элементы социального опыта человечества, выполняет функцию посредника в общении людей и способствует развитию родовых сущностных качеств человека. Способы и критерии, на основании которых производится оценивание, закрепляются в культуре как субъективные ценности – установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений. В таком случае они являются ориентирами деятельности человека. При этом слово «ценность» применяется не только для обозначения чего-либо, имеющего положительную, отрицательную или нейтральную значимость для человека или социальной группы, но и для обозначения того социального стандарта (образца), который используется при установлении ценностного отношения.

Общечеловеческие ценности. Природу ценностей, специфику ценностей как формы субъективно-объективного бытия, а также проблему их классификации рассматривает наука о ценностях – аксиология. В рамках этой науки, а также в рамках различных теорий культуры существуют различные представления об иерархии ценностей. Правда, вопрос скорее ставится не об иерархии, а об их классификации. Таких классификаций (или типологий) существует множество. Один из подходов к классификации ценностей заключается в разделении их по степени общности. По этой типологии выделяют ценности общечеловеческие, национальные, сословно-классовые, локально-групповые, семейные и индивидуальные. Индивидуальные ценности присущи отдельной личности, семейные ценности формируются соответственно в рамках определенной семьи. Локально-групповые ценности складываются в ходе деятельности профессиональных, религиозных, корпоративных, возрастных, учебных и прочих социальных групп. Сословно-классовые ценности присущи представителям крупных сословий и классов, национальные ценности выражают особенности конкретных национальных культур. Наибольшей степенью общности обладают общечеловеческие ценности. Вопрос о статусе и характере общечеловеческих ценностей, равно как и вопрос о том, какие ценности можно считать таковыми, до настоящего времени остается дискуссионным.

Варич Вероника Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологи Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Если разделять точку зрения Г. Риккорта на природу ценностей, то общечеловеческие ценности существуют в мире трансценденции и объективной значимости, который находится по ту сторону взаимосвязи субъекта и объекта. В концепции Б. Малиновского универсальные ценности культуры имеют функциональную общность, т.е. удовлетворяют жизненно важные потребности людей и закрепляют связи между ними. В силу этого общечеловеческие ценности распространяются на все культуры, поскольку выражают саму сущность культуры. У Л. Поджмана общечеловеческие ценности – это универсалии культуры, которые имеют характер *prima facie*, то есть принимаются «с первого раза», «сразу же».

При всех различиях позиций большинство философов и социологов соглашаются в том, что общечеловеческие ценности имеют общерегулятивный характер, обладают предельной общностью и (в силу этого) удаленностью от конкретный событий, ситуаций и обстоятельств. С такой позиции общечеловеческими являются ценности, по отношению к которым формируется смысловое поле любой культуры – независимо от исторической эпохи, уровня социального и экономического развития, национальности, конфессии и прочего. К таким ценностям относятся вера, добро, истина, красота и смысл. (В скобках следует также отметить, что все эти универсалии культуры имеют значение только при признании основополагающей ценности, смыслом и содержанием социального бытия самой человеческой жизни). Каждая из них составляет своего рода «фундамент» соответствующей формы духовной деятельности – религии, морали, науки, искусства и философии, которые представлены во всех культурах мира.

Истина как ценность. Существует множество определений ценностей, однако в большинстве из них ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания или стремления, т.е. предмет, значимый для человека или группы лиц. С этой точки зрения можно соотнести понятия «ценность» и «истина». В философских словарях истина определяется как свойство мыслей, правильно отображающих действительность, а ценность – как свойство самих вещей, отвечающих определенным целям или намерениям. Однако, как справедливо замечает А.А. Ивин в своей «Аксиологии», ценность, как и истина, является не свойством вещей, а отношением между мыслью и действительностью. Он также указывает, что ценность, в отличие от истины, есть соответствие объекта мысли о нем [Ивин А.А. Аксиология. М., 2006. С. 11]. Это отличие выражается в языке: описание интерпретируется в терминах «истинно» или «ложно», а оценка – в терминах «хорошо», «безразлично» и «плохо». Цель описания – привести слова в соответствие с описываемым объектом, цель оценки – привести сам объект в соответствие со словами. Описание и оценка представляют собой два принципиально различных вида высказываний, однако между ними существует множество переходов – как в повседневном языке, так и в научном.

Возвращаясь к сказанному, можно еще раз отметить, что истина – это соответствие человеческих знаний действительности, соответствие человеческой мысли и объекта. Вопрос о характере соответствия знания и действительности и самой возможности совпадения